

Революции 90

*Линке П.,
Руководитель Российского отделения
Фонда им. Р. Люксембург*

Говорить об Октябрьской революции сегодня сложно потому, что мы живем в мире, в котором люди практически отказались от использования понятия революция. А если человек находит что-то положительное в этом слове, его упрекают, называют «вечно вчерашним», оторвавшимся от реальности. А реальность сегодня такова, считают многие, что только эволюционным путем человечество может двигаться дальше вперед.

Тем не менее, я рискну сказать, что русская революция очень многое дала не только народам, которые жили на огромном пространстве Российской империи, но и миру в целом. Это было эпохальное явление не только потому, что это была социалистическая революция, но потому что это была революция Модерна. После нее и благодаря ей Россия стала современным по мировым стандартам государством. Все что потом произошло в Советской России, например, индустриализация, реформа системы образования, перемены в быту, градостроительстве, шло в русле процесса модернизации. Октябрьская революция не была переворотом политических авантюристов, которые победили в силу слабости Российской империи, как это модно сейчас говорить. Это был определенный общественный проект. И многое из этого проекта имеет продолжение сегодня и должно иметь в будущем. Если Россия будет отказываться от этого, будет возвращаться к каким-то дореволюционным проектам, например к реставрации монархии, то это ничего хорошего не даст.

Кроме того, следует отметить, что Октябрьская революция это была геополитическая революция. Она привела к полной реорганизации великого евразийского пространства, создавая новые субпространства и расширяя сферу современного общества не только в сторону юга – Центральной Азии, но и в сторону Запада. Об этом я могу говорить с полным основанием, как человек из ГДР. И нынешнее развитие стран Восточной Европы нельзя рассматривать без учета феномена Октябрьской революции. На огромном евразийском пространстве – от Атлантики до Дальнего Востока благодаря Октябрьской революции имел место обширный процесс трансформации и модернизации. Проявления этого процесса ощущаются в наши дни повсюду...

Октябрьская революция была не только реакцией на первую мировую войну, но и одним из ответов на социальные и технологические проблемы, порождённые ещё девятнадцатым веком. Вспомним, что писал Анатолий Луначарский в „Великом перевороте“. Для него революция „была необходимым в своем трагизме моментом в

мировом развитии человеческого духа к «вседуше», самым великим и решительным актом в процессе «богостроительства», самым ярким и решающим подвигом в направлении программы, формально удачно намеченной Ницше: «В мире нет смысла, но мы должны дать ему смысл».

Ощущение, что лишь революция может быть спасением от приближающегося глобального катаклизма, своего рода конца света, было характерно для мыслителей многих других стран, в частности и для немцев. Тяга к тоталитарному, понимаемому как единое общественное тело, стало ответом на раздробленность общества девятнадцатого века. В социальном плане это выразилось в его классовой структуре, а в технологическом - в новых принципах общественного разделения труда.

В германской социальной мысли того времени попытки найти ответ на эту разобщенность развивались по трем главным направлениям. Два из них, имевшие мистическую и антипрогрессистскую направленность, представлены такими именами как Вернер Зомбарт, Фердинанд Тённис, Освальд Шпенглер, Мартин Хайдеггер, а также Франк Тисс и Томас Манн. Первые четверо относятся к тому течению, которое называется „фёлькиш“ (приблизительно: народнически-националистическое), из него позже вышли идеологи национал-социализма. Последних двух можно назвать представителями мистического космополитизма. Третье главное направление, которое представляют, прежде всего, Эрих Мендельсон и Вальтер Гропиус, можно обозначить как рационалистическую, прогрессистскую реакцию на вызов разобщенности.

Конкретная политическая воля к преодолению недобровольной международной изоляции и та новая духовная близость, которая образовалась в революционный послевоенный период, позволили Веймарской Республике и Советской России подписать в геновском пригороде Рапалло 16 апреля 1922 договор, предусматривавший мирное урегулирование на условиях взаимной выгоды и отказа от репарационных претензий, а также нормализацию и развитие межгосударственных отношений.

Курс на сближение между советской Россией и Германией был прерван гитлеровской войной на уничтожение славянского «недочеловека». Эта война стоила жизни примерно 30 миллионам советских граждан и закончилась для Германии национальной катастрофой: страна была оккупирована и, затем, как акт исторической справедливости, разделена на две части.

В зоне советского влияния возникла и развилась Германская Демократическая Республика как составная часть культурного пространства, простиравшегося от Балтийского через Черное море до Тихого океана, а также как момент культурного времени, которое в силу своей специфической ритмики, особенно на уровне социальной повседневности, фундаментально отличалось от культурного времени западно-капиталистического индустриального общества.

Генератором этого культурного пространства и этого культурного времени был Советский Союз как конкретный цивилизационный проект. Радикально изменив и

в значительной мере гармонизировав ритмы социальной повседневности от Эльбы до Владивостока, этот проект привел к совершенно экстраординарному результату: социальной и мировоззренческой эгализации немцев (в ГДР) и восточных европейцев. Тем самым было начато решение исторической задачи, вполне соответствовавшей духу Рапалло и одновременно далеко выходящей за его рамки: цивилизационно сблизить друг с другом немцев и восточных европейцев.

Само-демонтаж Советского Союза и его важнейших международных опор – Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора – резко оборвали это многообещающий эксперимент.

Последствия этого фатального поворота продолжают сказываться на общественно-политическом климате в отношениях вновь сколоченной Германии с ее восточными соседями...

Но более важно другое: Октябрьская революция как процесс радикального общественного обновления, в конечном счете, содействовала тому, чтобы люди, прошедшие свою социализацию так или иначе под ее (революцией) влиянием, располагали всеми предпосылками для успешной адаптации к предстоящим революционным переменам в области генной инженерии, нано-технологического прогресса и роботизации со всеми вытекающими социальными последствиями.

Подвергаются изменениям сами основания того, что принято называть человеческим бытием, взаимоотношения между человеком и техникой. На обломках старых философских знаний, опирающихся на отчаянный поиск вечно загадочной субстанции, возникает новая философия – поиска «пределов возможного» (выражаясь словами Федора Гиренока).

Происходит фундаментальный разлом прежних общественных структур. Революция человеческого состояния продолжается на новом, киборгизированном уровне, но левые в массе своей не замечают этого, во многом повторяя дебаты 19-го и раннего 20-го веков. В этом и заключается главная причина их слабости...